

Новые идеи в социологической теории и социальной практике

© 2020 г.

А.В. РЕЗАЕВ, В.С. СТАРИКОВ, Н.Д. ТРЕГУБОВА

СОЦИОЛОГИЯ В ЭПОХУ «ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ»: ПОИСК НОВЫХ ОСНОВАНИЙ

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии (rezaev@hotmail.com); СТАРИКОВ Валентин Сергеевич – кандидат социологических наук, ассистент факультета социологии (starikov.valentin@gmail.com); ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна – кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии (n.tregubova@spbu.ru). Все – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Работа ориентирована на развитие дискуссии в профессиональном социологическом сообществе о новых феноменах, определяющих характер взаимосвязей людей в условиях «искусственной социальности». Авторы характеризуют «искусственную социальность» как эмпирический факт вхождения агентов, наделенных искусственным/имитационным мышлением, в социальные взаимодействия в качестве их участников и/или активных посредников. Рассмотрев представленные в литературе точки зрения «за» и «против» развития онлайн-технологий, авторы формулируют критику представления о социологии как науке, не поспевающей за технологическими изменениями, выделяют концептуальные ресурсы классической и современной социологии, применимые для объяснения феноменов искусственной социальности. Обсуждается вопрос о возможных формах влияния искусственной социальности на развитие социологии как науки.

Ключевые слова: искусственная социальность • искусственный интеллект • онлайн-технологии • социальное взаимодействие • общение людей и машин

DOI: 10.31857/5013216250008489-0

Цели и задачи статьи, определение понятий. В развитие дискуссии в профессиональном социологическом сообществе мы сформулируем несколько положений о новом явлении – «искусственной социальности». Начнем с обзора основных результатов ее осмысления в научной и научно-публицистической литературе. Затем мы обсудим, справедливо ли утверждать (и если «да», то в каком смысле), что искусственная социальность – это социологическая проблема. В завершение сформулируем общие положения о перспективах развития социологической науки в наступающую эпоху искусственной социальности. В качестве первого шага сформулируем рабочие определения базовых понятий.

Искусственный интеллект (ИИ). В другом месте мы детально обсуждали проблему определения искусственного интеллекта в соотношении с другими понятиями, представляя развернутую аргументацию в пользу собственной позиции [Резаев, Трегубова, 2019]. Во избежание недопонимания обратим внимание еще раз на то, что «Artificial Intelligence»

в английском языке не означает обязательно «некое существо, наделенное интеллектом»; нам представляется возможным трактовать данное словосочетание как «искусственное/имитационное мышление»¹. Здесь же сформулируем собственное рабочее определение понятия «ИИ» (Artificial Intelligence) и выделим его сущностные черты: *искусственный интеллект представляет собой ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека.*

Предложенное определение фиксирует пять сущностных черт ИИ: 1) ИИ создан человеком, представляет собой результат человеческой деятельности; 2) ИИ – не продукт, не устройство, а ансамбль (гармоничная совокупность) правил, организующих некоторый процесс; 3) ИИ представляет собой ансамбль правил, закодированных с инструментальными целями; 4) данные правила организуют деятельность, которая имитирует интеллектуальные структуры; 5) имитация интеллектуальных структур позволяет ИИ участвовать в кодировании, обучаться и принимать инструментальные решения, в том числе без непосредственного участия человека.

В настоящее время ИИ все более становится социальным: агенты², изначально ориентированные на решение инструментальных задач, становятся средой и участниками человеческих взаимодействий.

Искусственная социальность (ИС). Данный термин вводит в научный оборот группа ученых под руководством Т. Мальша [Malsch, 1998; 2005]. Мальш понимает ИС как коммуникативную сеть, в которой, наряду с людьми, иногда и вместо людей, участвуют другие агенты (ИИ); а средой для взаимодействий является Интернет. Мы предлагаем несколько иное, более широкое определение ИС: *искусственная социальность представляет собой эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий.*

В настоящей статье мы сосредоточимся на той стороне ИС, которая определяется возникновением новой среды социальных взаимодействий. Взаимодействия между человеком и ИИ пока остаются маргинальными, хотя и получают все большее распространение. Взаимодействия между людьми, напротив, практически повсеместно укореняются в коммуникативной среде, создаваемой и поддерживаемой при помощи относительно автономных виртуальных агентов и технических устройств. Выход в Интернет через стационарные и мобильные компьютерные устройства, взаимодействия в социальных сетях, чатах, приложениях для знакомств, создание контента, планирование времени, отслеживание геолокации и возможность обмениваться образами и текстами с другими пользователями (и получать смысловой и эмоциональный отклик) – все эти явления пронизывают нашу повседневную жизнь.

Сделаем две оговорки о том, что не является предметом настоящей статьи. Во-первых, не является предметом нашего внимания онлайн-среда и онлайн-взаимодействия как таковые. Они интересуют нас лишь в той мере, в какой связаны с развитием ИС. Во-вторых, мы не обсуждаем круг вопросов, связанный с наличием у ИИ сознания, субъектности,

¹ Вопрос о том, возможно ли создание мыслящих (разумных) машин, выходит за рамки нашего исследования.

² Мы используем термин «агент» в отношении технологий искусственного интеллекта, следуя традиции, принятой в области исследований ИИ среди технических специалистов (см. фундаментальную работу [Russell, Norvig, 2016]). Мы не используем термин «актант», ориентированный на традицию акторно-сетевой теории (АСТ), по двум причинам. Во-первых, АСТ, как будет видно из дальнейшего изложения, – лишь одна из возможных теоретических рамок в исследовании «искусственной социальности». Во-вторых, термин «актант» обозначает любой объект, который наделяется способностью действовать; для нас, напротив, способность ИИ к автономной деятельности выделяет его среди других созданий человека.

воли или желаний. Нас интересует то, что существует здесь-и-сейчас, в повседневных взаимодействиях людей, которые определяются, канализируются, формируются и разрушаются с участием ИИ.

Искусственная социальность: *pro et contra*. Сегодня общественное мнение и научно-популярный дискурс разделены между сторонниками и противниками проникновения онлайн-технологий в жизнь людей. Аргументы в пользу развития онлайн-технологий состоят в том, что сегодня у людей гораздо больше возможностей самоорганизации, образования групп и сообществ, формирования и поддержания отношений, чем когда-либо ранее в истории человечества. Так, К. Шорки анализирует формы групповой организации и коллективной активности: флэшмобы, коллективные мобилизации, обобществление информации на основе хэш-сумм, распределенные вычисления, образование сообществ по интересам и т.д. [Shirky, 2008].

Анализируя аргументы «противоположной стороны», выделим пять направлений критики развития онлайн-среды в современной научной литературе. Первое направление опирается на распространенное убеждение, что виртуальные пространства «социализируют в ложном направлении», ведут к «умножению одиночества» [Turkle, 2011], тогда как в начале развития такие социальные сети, как, например, *Facebook* и *ВКонтакте*, декларировали целью увеличение мощности социального общения и устранение одиночества. Для поколения молодых людей, постоянно находящихся в социальных сетях, увеличивается возможность виртуального взаимодействия, но это прямо противоположно влияет на развитие навыков и реальность человеческого общения, а также на навыки работы [Twenge, 2017]³.

Второе направление критических суждений связано с проблемой современного «нарциссизма». Люди, рожденные в 1980-х и 1990-х, организуют свою «социальность» преимущественно с помощью новых информационных технологий. Результаты такой социализации, как фиксируется в психологических исследованиях, состоят в том, что «миллениалы» амбициозны и более открыты к установлению контактов, особенно опосредованных электронными средствами коммуникации, более толерантны в нормах поведения и потребления, однако – не в мышлении, не в интеллектуальной и идеологической позициях. Вместе с тем поколения Y и Z мыслятся как конгломерат разобщенных в реальной жизни, недоверчивых, озабоченных и одновременно любующихся собой нарциссических индивидов [Twenge, 2006]. Наиболее простой интерпретацией здесь будет аргумент о том, что онлайн-пространства порождают множество «уникальных» парсун/аватаров⁴, в которых участники коммуникации могут являть себя миру такими, какими хотят казаться, но какими они не являются⁵.

Третье направление критики современных технологий основано на тезисе, что они развиваются согласно определенному замыслу, суть которого состоит в получении прибыли. Интернет поощряет ситуацию, когда привлечение новых членов той или иной группы

³Показательной в этом отношении представляется презентация новой мобильной платформы Android P: корпорация Google, которая получает наибольшую часть своего дохода за счет поддержания непрерывной пользовательской активности, обозначила принцип «цифрового самочувствия» (digital wellbeing) в качестве ограничителя для формирования и развития «искусственной социальности».

⁴Понятие «уникальность» в отношении онлайн-аватаров следует использовать очень осторожно. Выход в Интернет по-прежнему остается доступным ограниченному числу людей [International Telecommunication Union, 2017], а социально-демографическая структура пользователей остается весьма стабильной и смещенной в сторону определенных когорт. Таким образом, формирование индивидуального онлайн-образа происходит в условиях действия ограниченного набора географически и социально локализованных институтов.

⁵Различия в методах виртуальной репрезентации в общественном сознании часто воспринимаются как структурно и демографически обусловленные отличия в образе жизни. Например, в анонимных сообществах и публичных онлайн-площадках набирает популярность противопоставление «boomers vs zoomers» как маркер различий виртуальных репрезентаций «поколений» 1980–1995 и 2000-х гг. рождения.

вознаграждается; большинство онлайн-пространств ориентировано на вознаграждение (rewards). Наибольшее напряжение в США вызывает то, что все современные платформы мегакорпораций (Facebook, Google, Netflix, Amazon, Apple и др.) монополизируют, идеологизируют и используют свою «рыночную» силу для внедрения в личную жизнь [Fox, Moreland, 2015; Leiner et al., 2018]. Подобные стратегии подвергаются критике в научном сообществе и со стороны самих пользователей. Так, 2018 г. оказался кризисным для большинства компаний, получающих доход за счет онлайн-взаимодействий.

Четвертое (возможно, наиболее чувствительное к социальной реакции) направление критики связано с политической стороной виртуальной реальности. В ходе «цифровизации» социальной жизни пользователи добровольно выкладывают большие массивы личной информации. В перспективе такая прозрачность обеспечивает пространство слежки за огромным множеством людей. В качестве примера использования ИС в политических целях можно указать Китай, где с 2014 г. государство активно развивает модель оценки отдельных граждан («систему социального кредита») по уровню их «честности» в построении «гармоничного социалистического общества» [Pak, 2018]. Одновременно с повышением «информационной прозрачности» растет и контроль над самим дискурсом и правилами обсуждения⁶.

Наконец, пятое направление связано с негативным влиянием Интернета на демократию, с развитием того, что Т. Снайдер именует «киберфашизмом» [Snyder, 2017]: Интернет устраняет различие между публичной и частной сферой, уничтожает право на частную жизнь, на котором была основана демократия (и шире – общественная жизнь) в развитых обществах в XX в. Кроме того, онлайн-взаимодействия приводят к кристаллизации воображаемых различий между своей группой и «ими» (непохожими на меня), причем «они» воспринимаются не как конкретные люди, а как образы, «картинки». Следствием подобной поляризации оказывается формирование деструктивных обсуждений, где дискуссия замещается эквилибристикой шаблонными аргументами и заканчивается плотной герметизацией позиций. Отчасти это связано с самой конструкцией машинных алгоритмов, которые (несмотря на логическую универсальность) создаются людьми в конкретно-исторических условиях⁷.

Эти направления критики связаны с идеей формирования «асоциальности» и одновременно институционально-принудительной «сверхсоциальности». Онлайн – место коммуникационных контактов, целевой связи, но не эмоционально окрашенного общения, личных разговоров. Онлайн захватывает внимание и препятствует его сосредоточению, это пространство для установления контактов, организации сетей для обмена информацией, но не место для размышления, рефлексии и осуществления осмысленных поступков. В конечном счете он дает первое стереотипное представление о ситуации или об индивиде, с которым общаешься информацией. Кроме того, несмотря на потенциально безграничную свободу, онлайн-пространства формируют даже более жесткие институциональные рамки, ограничения на действительно индивидуальную/оригинальную активность. Иными словами, искусственная социальность хороша для интеллекта, для решения конкретных задач и плоха для человеческого сознания. Более того, нахождение в онлайн-пространствах приводит к тройному растожествлению. С одной стороны, это растожествление *Self*, социального «Я» человека и виртуальных аватаров. С другой стороны, это растожествление стремления к оригинальности/самовыражению и заданной жесткими институциональными рамками

⁶Здесь особо показательны внесенные в пользовательские соглашения изменения в информационные политики Facebook и Tumblr в контексте принятия Конгрессом США «Stop Enabling Sex Traffickers Act» и «Fight Online Sex Trafficking Act».

⁷В качестве некоторых новейших примеров подобных деструктивных обсуждений можно указать на приложение FaceApp, которое для придания привлекательности «делает кожу на фотографии светлее», а также голосовой deep learning бот Tay.Ai, который по результатам обучения был обвинен в мизогинии, расизме и «поддержке Дональда Трампа». Существование подобных примеров лежит на пересечении всех пяти направлений критики, указанных в статье.

виртуальной саморепрезентации. С третьей стороны, это растождествление желания максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности.

Искусственная социальность в социологии. Мы столкнулись с феноменами, в отношении которых высказаны как хвалебные, так и критические суждения. Но как новые технологии воздействуют на общение людей? В чем заключается новизна происходящего? Ниже мы попытаемся представить логику анализа ИС в современной теоретической социологии и обосновать возможность самого ее присутствия в подобных исследованиях. В конечном счете, задача состоит в том, чтобы за асоциальностью феномена наметить контуры атипичной социологии как науки, позитивно и аналитически исследующей данный феномен.

Следует начать с кажущейся парадоксальной преемственности в восприятии социологии как науки, которая может работать не только с человеческими группами, но и с внечеловеческой социальностью. Шестьдесят лет назад в СССР предпринимались попытки рассмотрения социологии как дисциплины, способной разработать механизм симбиотического сосуществования человека и робота, равно как человека и человека при посредничестве робота. Уже в то время социология представлялась как важная, но «слабая»/«бедная наука», которая легко подпадает под влияние «буржуазных поветрий» и одновременно (в силу природной внушаемости и доверчивости) безропотно отдает другим дисциплинам поле собственных изысканий – например, кибернетике⁸.

Теперь появились новые явления, которые нуждаются в научной проблематизации. ИИ создает возможности возникновения новых форм человеческой социальности, квази-социальности и постсоциальности. Что здесь предлагает социология? Несмотря на наличие большого массива количественной и качественной информации об «отношениях» между человеком и машиной и о взаимодействии людей «через» машины, социологи мало занимаются данной проблематикой, отдавая ее на откуп уже не кибернетикам, но специалистам в области *computer science* [Rezaev, Tregubova, 2018]. В том, что современное состояние так напоминает ситуацию шестидесятилетней давности, мы видим своеобразную закономерность. Рассмотрим две пары утверждений:

(I) *Тезис:* новые технологии, возможные благодаря развитию ИИ, кардинальным образом меняют нашу жизнь, создают новую среду, расширяют человеческие возможности, таят новые угрозы, меняют место человека в мире. *Антитезис:* человеческое общество остается системным, классово-антагонистичным, властно-иерархическим и т.п.; социологи нет необходимости радикально меняться для изучения последствий технологических изменений.

(II) *Тезис:* распространение ИС меняет человеческое общение. *Антитезис:* то, как взаимодействуют люди, не меняется; проблема в распространении старых методов и подходов на анализ новых явлений.

Обе пары утверждений предполагают следующее: несмотря на важность развития ИС для человека, новые феномены не составляют научную проблему для социологии. Соответственно, возможны две линии поведения социологов: игнорировать новые явления/исследовать их «через запятую», в качестве еще одного эмпирического объекта либо быть в постоянной погоне за модными темами, заимствуя подходы и стилистику презентации у других полей и дисциплин вплоть до полного ухода за социологического поля.

Существует ли третий вариант? Мы полагаем, что он существует и определяется двойственным положением социологии. Социология формируется как наука об обществе, возникшем в конкретное время в конкретном регионе, и о социальных трансформациях, которые привели к его появлению. Терминологический аппарат и методы, созданные на

⁸В качестве примера приведем цитату из статьи «Кибернетика – “наука” мракобесов»: «Претензии кибернетиков неимоверны... Начав с утверждения, что законы деятельности отдельной личности не отличаются якобы от правил работы термостата в холодильнике или жироконцентра на корабле, кибернетики затем пытаются трактовать все общество как совокупность автоматических приборов, для объяснения взаимодействия которых можно подыскать соответствующие математическое выражение» [Ярошевский М. Кибернетика – «наука» мракобесов // Литературная газета. 1952. 5 апреля].

основе анализа современного общества, социология затем распространяет на все социальные феномены, доступные для анализа. В этом отношении проблема ИС в более широкой перспективе фиксирует концептуальное напряжение, свойственное социологии с момента ее возникновения.

Следующее наше замечание касается пары суждений (II). В исследованиях общения с еще большим основанием можно утверждать, что ничего не меняется: социальная структура, характер и способы распределения ресурсов, ценности, организации могут меняться, но принципы и детерминанты взаимодействия между людьми остаются теми же. Универсальные процессы общения подразделяются на внешние и внутренние [Резаев, Трегубова, 2017]. К внешним относятся обмен информацией (коммуникация), общественные отношения и культура; к внутренним – поддержание *Self* (нельзя быть человеком вне общения), создание общности и эмоциональная динамика.

Что же в человеческом общении меняется? Базовый ответ социологии состоит в указании на дихотомию «общность-общество» [Тённис, 1998]. И «общность», и «общество» указывают на типы взаимосвязей, которые реализуются в общении; социолога интересует то, в каких сферах жизни и для каких индивидов преобладают одни либо другие, и в каком соотношении, вокруг чего создается и поддерживается общность и каков потенциальный круг людей, с которыми индивид имеет возможность вступать во взаимодействие.

Пять вопросов социологического анализа искусственной социальности. Рассмотрим пять проблемных полей анализа новых феноменов, перспективных с точки зрения социологии.

1. *Что происходит на пересечении собственно социальных и технологических изменений?* С современными обществами связываются урбанизация, изменение структур семьи, родства и дружбы, рационализация отношений внутри организации. Каким образом возможности, открытые технологическими инновациями, накладываются на существующие изменения: усиливают их, меняют направление, обращают вспять? Происходит ли универсализация (в пределе – «макдональдизация») форм общения? Данная, наиболее общая, проблема может стать предметом разнообразных социологических исследований. Например, почему феномен хикикомори появился в Японии, однако со временем стал глобальной городской субкультурой, никак не связанной с первоначальным значением термина? И в чем различия между тем, как люди используют сайты и приложения для знакомств в странах Северной, Южной и Восточной Европы?

2. *Как Интернет меняет общение?* Интернет облегчает создание общностей по признаку разделяемых верований (убеждений); в литературе данная тенденция фиксируется как возникновение «сетевых племен» и «информационных пузырей» [Pariser, 2011]. Важно, что в некотором смысле это возвращение к до-современной ситуации общения сходных людей со сходными верованиями (механической солидарности, в терминах Дюркгейма), которое становится возможным в онлайн-среде. Но не за ее пределами – что может стать причиной фонового недовольства, активной мобилизации, стремления к огораживанию, к созданию закрытых сред или к изоляции. Интернет создает новые форматы обмена информацией, предлагает способы выражения эмоций, новые формы поддержания связей. Наконец, Интернет создает возможность для возникновения обобщенных публик и для оценки внимания через количество «лайков», «ретвитов», скачиваний и др.

3. *Как Интернет влияет на общественные отношения в условиях развитого/развивающегося капитализма?* Интернет представляет, с одной стороны, набор программ и алгоритмов, с другой – совокупность рынков, мест, где встречаются люди с целью обмена и для которых характерны определенные «правила игры». На рынках производители и потребители обменивают внимание и социальное одобрение на само себя, деньги на внимание и одобрение и совершают финансовые трансакции. Каким образом социальное одобрение монетизируется? Какие социальные группы могут воспользоваться новыми возможностями наилучшим образом? Как происходит мобилизация людей на коллективные действия? Все эти вопросы заслуживают внимания социологов.

4. Как связаны развитие ИИ и свойства человеческой социальности? С позиций социологической теории человеческий разум и человеческое сознание возникают как разум и сознание социального, общающегося существа [Wolfe, 1993; Turner, 2002]. ИИ был и остается предназначен для решения конкретных, операционализируемых задач, причем сегодня в эти задачи входят и такие, которые требуют взаимодействия с человеком – от игры в покер до оказания психологической помощи онлайн. В таком случае ключевое отличие человеческого сознания от искусственного интеллекта определяется следующим: первое социально (и потому рефлексивно) и укоренено в контексте взаимодействия, второй – целерационален и определяется универсальными алгоритмами и вписанными в них критериями. Какие свойства человеческой социальности могут быть смоделированы для ИИ, какие – нет? Как меняются способности человека к общению и характер взаимосвязей при разных типах взаимодействия с ИИ? Как влияет среда, определяемая универсальными алгоритмами, на возможность и ограничения человеческого общения? Наивно было бы думать, что данная проблематика вовсе не привлекает внимание исследователей. Среди наиболее ярких примеров можно привести этнометодологический анализ взаимодействия людей и машин [Suchman, 2007], психоаналитические исследования восприятия компьютеров и способов взаимодействия с ними [Turkle, 2005], экзистенциально-феноменологическую критику Интернета как среды действия и взаимодействия [Dreyfus, 2009], характеристику «искусственной коммуникации» с алгоритмами [Esposito, 2017]. Однако социологи здесь составляют, увы, меньшинство.

5. Есть ли у современной социологии теоретико-методологические конструкции, способные сформировать собственную повестку исследования ИС? Как отмечено выше, социология, как и десятки лет назад, пока довольствуется статусом слабой, бедной или доверчивой науки, которая начинает исследовать феномены реактивно, пытаясь абсорбировать наработки современных аналогов кибернетики. Если социология хочет разорвать круг «вечного возвращения на роль догоняющего», она должна сама предложить некоторое знание.

Укажем здесь лишь на два возможных направления. Первое – это «социальная жизнь метода» (SLM, social life of methods), зародившееся в последнее десятилетие как междисциплинарный подход с явно социологическим главенством. Его идеи представлены в выпуске журнала *Theory, Culture and Society* за июль 2013 г. такими авторами, как М. Сэвидж, Дж. Ло, М. Гиллесpie, Б. Берроуз, А. Маккензи и др. Их тезис заключается в том, что актуальная ситуация доступности беспрецедентных объемов цифровых данных существенным образом отличается от того контекста, в котором формировались более традиционные методы социальных наук [Ruppert et al., 2013: 35–40].

Положения второго, теоретического, подхода связаны реактуализацией наследия Г. Тарда в работах Б. Латура [Latour et al., 2012]. Латур разворачивает критику дюркгеймианской концепции социальной реальности как *causa sui*, подкрепляемой агрегированной статистикой как методом, и в частности – допущением существования различных структурных уровней социальной реальности (макро- и микроуровни). Новые технологии работы с цифровыми данными позволяют возродить тардовский проект альтернативной квантификации социальных наук, по-новому визуализируя ассоциации – например, как «цифровые монады» в социальных сетях, где каждый «профиль» полностью определяется совокупностью своих связей и аффилиаций.

Представленные аргументы, с нашей точки зрения, указывают на возможности социологии в обретении концептуальной самостоятельности при работе с феноменами ИС. Мы постарались показать, что проблемы социологии лежат не в отсутствии идей или недостатке теоретических аргументов, но в общей неспособности представителей социологического сообщества адекватно и своевременно воспринимать появление и развитие новых феноменов. Чтобы это стало возможным, сама социология должна измениться, переструктурировать свой тип – или вовсе избавиться от всякой типизации.

На пути к атипичной социологии. Сформулированные выше вопросы – первые шаги к осмыслению ИС. В них мы практически не отходили от традиционного понимания того, чем была и чем является сегодня социологическая дисциплина, изучающая отношения между людьми. Но не является ли вероятным, что машины (не-человеческие агенты), наделенные ИИ, будут все больше проникать в повседневную жизнь и определять человеческую социальность? Что ИС будет все более определяться новой технической средой? Причем, в отличие от ставших привычными и более чем «естественными» технологических инноваций вроде письменности, новая среда будет включать относительно автономных агентов, способных действовать, принимать решения и достигать цели с логикой, отличной от человеческой и «непрозрачной» для человека. Если ответ на эти вопросы утвердительный, то и сама социология должна поменяться – больше, чем она менялась при переходе от одного этапа развития обществ к другому.

В завершение сформулируем несколько тезисов о том, чем могла бы стать социология, отвечая на «вызовы» ИС.

Во-первых, в отношении теории мы нуждаемся в *атипичной социологии*, которая предполагает: а) дизайн и конструкцию новых «составных частей» социологии/социальной аналитики; б) реконфигурацию существующих составляющих социологии для исследований не-социальных феноменов. Не-социальные феномены в социологии не описываются в терминах общественных отношений. Даже сегодня, когда алгоритмы, действующие в Интернете, редко достигают высокой автономности, влияние новых технологий на структуры повседневности и общения представляется определяющим. Чего ожидать от внедрения в повседневную жизнь более совершенного ИИ? Ответ на этот вопрос должна дать атипичная социология.

Во-вторых, нужна не междисциплинарная, а *антидисциплинарная наука* [Rezaev, Tregubova, 2018]. Здесь следует вспомнить, что исследования ИИ изначально были антидисциплинарным проектом: общая концепция (и идеология) воспроизводства и преодоления человеческих способностей по определению враждебна существующим областям знаний, аналитически расчленяющим человеческое существование на обособленные области познания. Атипичная и антидисциплинарная социальная аналитика объединяет научное знание, инженерные технологии, гуманитарное видение с целью осмысления атипичных социальных феноменов.

Наконец, проблема эмпирических исследований заключается в соединении/соотношении «методологических» факторов с «социальными» в прикладных/полевых исследованиях. Иными словами, что является научной проблемой, что – социальной, и кто будет платить за исследования? За «вечными» социальными проблемами, такими как «порядок и прогресс», «свобода и равенство», слишком легко упустить появление на сцене новых актеров, которое переопределяет привычные для нас понятия и категории. Сегодня социологи ищут исследовательские вопросы (и заказчиков) там, где они их привыкли находить. Здесь уместно вспомнить анекдот о человеке, ищущем ключи под фонарем: ну а если под фонарем ничего нет, и искать стоит в другом месте? Нам представляется, что проблематика ИС и является тем «местом», где следует вести поиски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Мир общения в социологическом измерении. М.: Университетская книга, 2017. [Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2017) *The World of Social Intercourse in a Sociological Perspective*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)]
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47. [Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2019) 'Artificial Intelligence', 'Online Culture', 'Artificial Sociality': Definition of the Terms. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 35–47. (In Russ.)]

- Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229. [Tönnies F. (1998) Community and Society. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3/4: 207–229. (In Russ.)]
- Dreyfus H.L. (2009) *On the Internet*. 2nd ed. New York: Routledge.
- Esposito E. (2017) Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms. *Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 46. No. 4: 249–265.
- Fox J., Moreland J.J. (2015) The Dark Side of Social Networking Sites: An Exploration of the Relational and Psychological Stressors Associated with Facebook Use and Affordances. *Computers in Human Behavior*. Vol. 45: 168–176.
- International Telecommunication Union, *CT Facts and Figures*. (2017) URL: www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/ICTFactsFigures2017.pdf (accessed 17.12.18).
- Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012) “The Whole is Always Smaller than its Parts”: A Digital Test of Gabriel Tardes’ Monads. *British Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 4: 590–615.
- Leiner D. J., Kobilke L., Rueß C., Brosius H.-B. (2018) Functional Domains of Social Media Platforms: Structuring the Uses of Facebook to Better Understand its Gratifications. *Computers in Human Behavior*. Vol. 83: 194–203.
- Malsch T. (2005) *Kommunikationsanschlüsse. Zur Soziologischen Differenz von Realer und Künstlicher Sozialität*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Malsch T. (ed.) (1998) *Sozionik: Soziologische Ansichten über Künstlicher Sozialität*. Berlin: Edition Sigma.
- Pak J. (2018) How Does China's Social Credit System Work? *Marketplace*. URL: www.marketplace.org/2018/02/13/world/qa-china-s-social-credit-system (accessed 17.12.18).
- Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think*. New York: Penguin.
- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2018) Are Sociologists Ready for ‘Artificial Sociality’? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: tkonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 91–108.
- Ruppert E., Law J., Savage M. (2013) Reassembling Social Science Methods: The Challenge of Digital Devices. *Theory, Culture & Society*. Vol. 30. Iss. 4: 22–46.
- Russell S.J., Norvig P. (2016) *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. 3rd ed. New Jersey: Pearson Education.
- Shirky C. (2008) *Here Comes Everybody: The Power of Organizing without Organizations*. London: Allen Lane.
- Snyder T. (2017) *On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century*. London: Tim Duggan Books.
- Suchman L. (2007) *Human-Machine Reconfigurations. Plans and Situated Actions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turkle S. (2005) *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. 20th anniversary ed. Cambridge: MIT Press.
- Turkle S. (2011) *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books.
- Turner J. (2002) *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Redwood City: Stanford University Press.
- Twenge J.M. (2006) *Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable than Ever Before*. New York: Free Press.
- Twenge J.M. (2017) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood – and What That Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books.
- Wolfe A. (1993) *The Human Difference: Animals, Computers, and the Necessity of Social Science*. Berkley: University of California Press.

Статья поступила: 14.04.19. Финальная версия: 16.11.19. Принята к публикации: 25.11.19.

SOCIOLOGY IN THE AGE OF 'ARTIFICIAL SOCIALITY': SEARCH OF NEW BASES**REZAEV A.V.*, STARIKOV V.S.*, TREGUBOVA N.D.*****St. Petersburg State University, Russia*

Andrey V. REZAEV, Dr. Sci. (Philos.), Chairperson of Comparative Sociology Department, St. Petersburg State University (a.rezaev@spbu.ru); Valentin S. STARIKOV, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher at the Department of Sociology, St. Petersburg State University (starikov.valentin@gmail.com); Natalia D. TREGUBOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor of Comparative Sociology Department, St. Petersburg State University (n.tregubova@spbu.ru). Both – Saint Petersburg, Russia.

Acknowledgements. Work on this paper was supported by Russian Science Foundation, project No. 18-18-00097.

Abstract. Interrelations between artificial intelligence and human beings outline one of the most exciting fields in contemporary social inquiry. This paper aims to stimulate discussion among professional sociologists regarding new social reality that the authors call “artificial sociality”. The paper brings in suggestions concerning theoretical and methodological frames for studying artificial sociality. It also attempts to proceed beyond various understandings of the Internet and online culture to the practice of interactions and social intercourse in reality of artificial sociality. The paper examines the ways in which artificial sociality might be exercised in identifiable sociological research. It also criticizes a self-conception of sociology as “weak” science that is always late in considering technological transformations. The paper argues that sociology has powerful theoretical tools to analyze artificial sociality; however, the social science should proactively change hand in hand with the changes in social reality.

Keywords: artificial sociality, social interaction, artificial intelligence, online.

Received: 14.04.19. Final version: 16.11.19. Accepted: 25.11.19.